

28. Симонова Т.М. Белые формирования в Польше («отряд русских беженцев») в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57.
29. Симонова Т.М. Несостоявшиеся победы: русские формирования в Польше (1919–1924) // Россия XXI. 2012. № 2. С. 24–53
30. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. М., 2001. Т. 1. 568 с.
31. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша, 2006. № 7–8(77). С. 91–96. URL <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-ziznnaob.php>.
32. Станиславский В. Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша. 2002. № 5(31). С. 17–22. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-wawa.php>.
33. Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. М., 1923. С. 33–34.
34. Хжонц П. Несбывшиеся двадцать лет. Польские годы Дмитрия Философова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. № 6. С. 304–313.
35. Цветков В. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии // Родина. 2011. № 2. С. 103–107.
36. Чахотин С.С. В Каноссу // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999. С. 190–195.

A.V. Uriadova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The Perception of the Soviet-Polish war by Russian emigration

Key words: Russian emigration; Russia abroad; Soviet-Polish war; Russian history; history of Poland; Riga Peace Treaty.

The article presents several major lines related to the perception of the Russian emigration of the Soviet-Polish war. Firstly, this is the identification and study of various points of view that have developed in exile towards to the war. Three main positions were identified: neutrality (or uncertainty), patriotism and defeatism. Secondly, it is an analysis of the reasons that led to such a variety of perceptions. The main one was the attitude to national-state building, or rather, the acceptance (partial or full) or rejection of the self-determination of the Limitrophs and territorial changes in the borders of future Russia. Thirdly, this study is not only about perception, but also its manifestation in specific actions of emigration (written protests, activism, the creation of military units, suicidal escapism). Fourthly, special attention is paid to the reception by emigration of the truce and the Riga Peace Treaty, its conditions and possible future consequences for Russia and the Russian emigrants. It is noted that the attitude to these documents was not always correlated with the attitude to the war.

СЕКЦИЯ № 2

«ГЕРОИ, НА ВАРШАВУ!»: СОВЕТСКИЙ ПОХОД НА ЗАПАД

Н.Н. Мезга

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

УДК94:327.5(470+438)«1920»:94(476)«1920»

Поход Красной армии на Варшаву летом 1920 года и Беларусь

Ключевые слова: польско-советская война; Советская Россия; Польша; БНР; второе провозглашение ССРБ; мировая революция; поход Красной армии на Варшаву; польско-белорусские переговоры.

В статье показано, что возобновление активных военных действий на советско-польском фронте весной 1920 г. привело к активизации политики как Советской России, так и Польши на белорусском направлении. После перехода польской армии в наступление на Украине советское руководство было занято поисками антипольских союзников и в связи с этим пошло на контакты с правительством БНР В. Ластовского. В статье доказывается, что в условиях успешного наступления Красной армии летом 1920 г. интерес к сотрудничеству с БНР у Москвы исчез. Кроме того, данное сотрудничество невозможно было совместить и с заключением мирного договора РСФСР с Литвой, поскольку он предусматривал передачу последней белорусских территорий. Обосновано положение, согласно которому по мере продвижения Красной армии к Варшаве белорусская политика большевистского руководства определялась прежде всего стремлением превратить территорию Беларуси в плацдарм для распространения на запад социалистической революции. Чтобы получить более широкую поддержку той части населения Беларуси, которая уже укрепилась в желании создать собственное государство, большевики пошли на второе провозглашение ССРБ. Однако в силу поражения Красной армии под Варшавой Советская Беларусь не смогла сохраниться в границах, которые были определены в момент ее провозглашения. В ходе переговоров в Риге советская делегация шла на территориальные уступки за счет Беларуси. При характеристике политики Польши по отношению к Беларуси в статье сформулирован вывод об отсутствии у польских правящих кругов намерения оказать реальное содействие созданию Белорусского государства. Весной 1920 г. польское правительство сделало отдельные шаги в направлении сотрудничества с белорусским национальным движением. Однако на большее, чем создание белорусской национально-культурной автономии, поляки не соглашались. Во время переговоров в Риге они окончательно

перешли на позиции инкорпорации, что вело к разделу белорусских земель по Рижскому договору.

Весной 1920 г. Советская Россия и Польша готовились к возобновлению активных военных действий. Данное обстоятельство подталкивало оба государства к поиску союзников. И Москва, и Варшава были не против использовать в своих интересах белорусское национальное движение, а также заручиться поддержкой населения Беларуси, учитывая, что ее территория являлась важным участком театра военных действий польско-советской войны. Правительство Советской России принимало во внимание, что в белорусском национальном движении имеется сильное антипольское направление, руководящим центром которого стало правительство В. Ластовского. Белорусские социалисты-революционеры к тому времени уже зарекомендовали себя как сила, способная создать мощное партизанское движение в тылу польских войск на территории Беларуси. 8 марта Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о необходимости развития партизанского движения в польском тылу [17]. И в этом вопросе можно было найти точки соприкосновения с белорусскими национальными силами. Кроме того, через налаживание контактов с белорусским движением правительство В. Ленина рассчитывало лишить Польшу возможности выступать перед международным сообществом в роли протектора по отношению к национальным движениям на окраинах России, что давало возможность дискредитировать польскую политику в глазах Запада [15, л. 65].

При этом шансы добиться поддержки со стороны белорусских деятелей у руководства Советской России имелись достаточно большие. И связано это с той политикой, которую проводили польские власти по отношению к Беларуси. А. Луцкевич во время встречи с Ю. Пилсудским 3 января 1920 г. объяснял раскол Рады Белорусской Народной Республики (БНР) 13 декабря 1919 г., когда ее большинство выступило против сотрудничества с Польшей, тем, что позитивное отношение к Польше не дает никаких реальных «результатов для белорусского государственного дела» [2, с. 4]. Правительство В. Ластовского на международной арене достаточно активно демонстрировало антипольскую направленность своей политики. 10 апреля 1920 г. от имени Рады БНР Совету послов Антанты в Париже (копии – министрам иностранных дел Советской России и Польши) была направлена телеграмма, в которой доводилось до сведения руководителей стран Антанты, что польское правительство отклоняет участие представителей БНР в мирных переговорах между Польшей и Советской Россией. Оно обвинялось в том, что хочет предъявить претензии на границы 1772 г. и, соответственно, включить в польские границы Беларусь. Далее Народная

Рада БНР заявляла, что белорусский народ не потерпит аннексии своей территории с чьей бы то ни было стороны, а Антанта, «допустив присоединение Беларуси к Польше, сделает историческую ошибку и еще раз осветит пламенем войны горизонт Европы» [14, л. 128]. Таким образом, сложились объективные предпосылки для контактов между представителями Советской России и белорусского национального движения на антипольской основе.

Линию на использование белорусского движения в интересах борьбы с Польшей активно отстаивал нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин. В январе 1920 г. он дал распоряжение председателю ревкома ЛитБел ССР В. Мицкевичу-Капсукасу активизировать контакты с той частью белорусского национального движения, которая ближе к Советской России, чем к Польше [19, с. 154]. 26 февраля советский нарком иностранных дел направил еще одну телеграмму В. Мицкевичу-Капсукасу, в которой указал на наличие в белорусском национальном движении течения, борющегося против угнетения Польши. Ставилась задача связаться с этой частью белорусских деятелей и «дать возможность их голосу дойти до широких масс на Западе» [2, с. 29]. Преодолевая сопротивление ЦК Компартии Литвы и Беларуси, Г. Чичерин добился установления контактов с представителями Рады БНР в занятом поляками Минске, о чем 26 февраля проинформировал В. Ленина и получил в этом вопросе его поддержку [10, с. 325–326]. Среди белорусских политических сил наибольшую готовность к сотрудничеству с большевиками выражали социалисты-революционеры. 1 апреля в Смоленск прибыла одна из лидеров белорусских эсеров П. Бадунова. Здесь она провела переговоры с членом реввоенсовета Западного фронта А. Червяковым, в ходе которых пыталась выяснить отношение большевиков к БНР в связи с намечавшимися советско-польскими мирными переговорами. Однако большевистские функционеры, находившиеся в Смоленске, не смогли дать ответ на этот вопрос. Поэтому П. Бадунова отправилась в Москву, где у нее состоялись беседы с И. Сталиным и Н. Крестинским [10, с. 327]. Находясь в Москве с 6 марта по 8 апреля, она представила в ЦК РКП(б) доклад о положении на Беларуси. Фактически переговоры завершились подтверждением военного сотрудничества между большевиками и белорусскими эсерами. В мае на совещании Народной Рады БНР при обсуждении итогов переговоров П. Бадуновой в Москве было принято решение в дальнейшем переговоры с правительством РСФСР вести только на основе признания полной государственной независимости и суверенитета БНР в этнических белорусских границах [11, с. 31–33].

В апреле 1920 г. контакты между Народной Радой БНР и российским советским правительством начались и через Ревель. Ее представитель в столице Эстонии получил полномочия на ведение переговоров с правительством В. Ленина. Белорусская сторона рассчитывала добиться согласия Москвы на проведение двусторонней мирной конференции, чтобы на ней обсудить принципы взаимоотношений между БНР и РСФСР, а также вопрос противодействия «империалистическим устремлениям Польши» [10, с. 327–328]. 25 апреля Народная Рада БНР направила ноту Г. Чичерину, в которой заявляла о своем искреннем желании установить добрососедские отношения с Советской Россией, предлагала советскому российскому правительству признать БНР в ее этнических границах и приступить к мирным переговорам [2, с. 50]. Уже 26 апреля была получена ответная телеграмма от советского наркома иностранных дел на адрес военно-дипломатической миссии БНР в Ревеле. В ней Г. Чичерин подчеркивал приверженность Советской России принципу права наций на самоопределение, отмечал репрессии польских властей по отношению к белорусскому национальному движению. Он просил сообщить, какое именно белорусское правительство представляет миссия в Ревеле и каково отношение этого правительства к польским оккупационным властям [2, с. 52].

4 мая Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад члена реввоенсовета Западного фронта, который высоко оценил развертывание партизанского движения на территории Беларуси против польской оккупации, но в то же время отметил рост стремления к независимости среди «мелкобуржуазных элементов оккупированной части Литвы и Беларуси» [20, с. 22]. После этого обсуждения 5 мая Г. Чичерин направляет письмо на имя секретаря миссии БНР в Ревеле И. Черепука, в котором ставит вопросы относительно территории, которую контролирует правительство В. Ластовского, и интересуется, какую оно может оказать помощь в военных действиях против Польши [10, с. 329]. В этих словах выражена суть интереса Советской России к налаживанию контактов с правительством БНР: возможность его участия в борьбе против Польши. Желанием использовать белорусское национальное движение в войне с поляками было продиктовано и решение Политбюро ЦК РКП(б) от 25 мая вызвать для переговоров в Москву представителя «белорусского буржуазного правительства» [18]. Мотивы, исходя из которых советское руководство приняло это решение, достаточно красноречиво изложены в письме Г. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 24 мая. Нарком иностранных дел писал: «Нам следует быть чрезвычайно осторожными по отношению к белорусскому так

называемому правительству, потому что оно имеет возможность в европейском масштабе создать нам дипломатические неприятности. <...> Необходимо было бы с целью привлечения белорусов на нашу сторону и с целью противодействия польскому правительству перетянуть их на свою сторону путем подачек, позволить белорусскому представителю в Ревеле приехать к нам для переговоров, причем установить короткий срок... Следует, однако, сделать нечто большее: следует начать действительную политику предоставления белорусам возможности национального развития, э. з. создания сети белорусских школ и признания белорусских обществ <...> мы считаем в высшей степени своевременным и желательным восстановить при наркомнаце белорусский комиссариат» [8, с. 174].

На уже упомянутом выше совещании деятелей БНР было решено принять предложение большевиков, но переговоры вести на платформе признания Советской Россией независимости БНР. Причем П. Бадунова, исходя из опыта своих контактов в Москве, перспективы переговоров оценивала пессимистически. 24 июня 1920 г. в Москву выехала делегация БНР во главе с В. Захаркой. Он встретился с Г. Чичериным и передал ему меморандум, который содержал требование признать независимость БНР и содействовать возрождению белорусского народа в политических, экономических и национально-культурных отношениях [8, с. 181]. Однако переговоры завершились для белорусских деятелей безрезультатно, так как в условиях успешного наступления Красной армии летом 1920 г. руководство РСФСР утратило заинтересованность в таком слабом союзнике, как БНР.

К тому же в этот период фактическим союзником Советской России в войне против Польши стала Литва. С весны 1920 г. шли советско-литовские переговоры. В их ходе литовская сторона выдвинула большие претензии на белорусские территории и руководитель советской делегации А. Иоффе вел речь даже о возможном разрыве с литовцами, если они не снимут своих требований. Но Г. Чичерин выступил решительно против срыва переговоров с Литвой, мотивируя это необходимостью создать впечатление сближения с ней. 22 мая он направил письмо В. Ленину, в котором указал на приемлемость территориальных уступок Литве ради ее возможного военного выступления против Польши. Нарком иностранных дел отмечал, что «часть окраинных государств становится в позитиву наших друзей, у Польши отнимается позиция окраинного представителя, уничтожается противопоставление нам всех окраинных государств. Эта видимость литовской дружбы имеет для нас настолько крупное значение, что вполне стоит потратить немного больше дипломатических маневров товарища

Иоффе, чтобы этого достичь» [8, с. 181]. Таким образом, Москва свои переговоры с литовцами полностью подчинила интересам ведения войны с Польшей, желанию иметь Литву своим союзником. Ради этого правительство В. Ленина готово было уступить литовцам белорусские земли, что и было зафиксировано в советско-литовском договоре от 12 июля 1920 г.

В начале августа правительство БНР убедилось в бесперспективности переговоров в Москве. Член советской дипломатической миссии в Риге И. Лоренц сообщал о визите в представительство «заместителя белорусского консула Казачкина». Тот просил передать в Москву телеграмму руководителю белорусской делегации В. Захарке с требованием немедленно выехать из Москвы в Ригу [2, с. 97]. Советская Россия использовала переговоры с БНР для активизации партизанской борьбы на оккупированной поляками территории и разыграла белорусскую карту для давления на Литву во время переговоров с ней. Литовское правительство, видя происходившие контакты между представителями РСФСР и БНР и опасаясь советско-белорусского соглашения, сняло часть территориальных требований. В связи с советско-литовским соглашением правительство В. Ластовского 22 июля выступило со специальным заявлением. Оно содержало протест против подписанного Советской Россией и Литвой 12 июля договора. В заявлении отмечалось, что этот договор никогда не будет признан белорусским народом и что белорусский народ будет сражаться против него всеми доступными средствами [13, л. 62–64].

Весной 1920 г. польское правительство также посчитало целесообразным активизировать контакты с белорусскими деятелями. К этому времени Ю. Пилсудский отказался от идеи создания Белорусско-Литовского государства в рамках реализации концепции федерации. В начале 1920 г. он следующим образом сформулировал свою позицию по белорусскому вопросу: «Беларусь в данный момент совсем не готова, и в данный момент слишком острое выступление с белорусским вопросом было бы компроматацией других, более серьезных вопросов. Следует ждать соответствующей конъюнктуры, пока что создав в Польше белорусский Пьемонт» [21, с. 216]. 8 марта состоялось заседание польского правительства, на котором по согласованию с Ю. Пилсудским было принято решение отказаться от создания союзного Польше Белорусского государства. Предполагалось Гродненщину и Виленщину непосредственно включить в состав Польши, а на территории Минского округа планировалось сделать уступки белорусам в деле самоуправления

и развития культуры [12, с. 151–152]. Таким образом, польская политика предполагала лишь создание белорусской культурно-национальной автономии на территории Восточной Беларуси.

В марте 1920 г. в Минске прошли переговоры между польской делегацией во главе с близким к Ю. Пилсудскому Л. Василевским и представителями Наивысшей Белорусской Рады, представлявшей пропольскую часть белорусского национального движения. Л. Василевский следующим образом характеризует позицию Ю. Пилсудского по белорусскому вопросу в тот момент: «Комендант соглашался на значительные культурно-финансовые концессии для белорусов, но исключал трактовку представителей белорусской интеллигенции в Минске как “правительства”». Цель же контактов с белорусами для маршала заключалась в том, чтобы добиться их поддержки против большевиков [21, с. 218]. Результатом переговоров стало подписание 24 марта соглашения между Польшей и Наивысшей Белорусской Радой. Согласно ему, белорусы получили гарантии национально-культурного развития и финансовую поддержку со стороны Польши, а взамен поддержали требование Польши к России отказаться от территорий к западу от границы 1772 г. Поляки отклонили все политические требования белорусов. Но и обещания польской стороны, зафиксированные в соглашении, на практике не были выполнены [20, с. 22]. Ю. Пилсудский, объясняя пассивность Польши в вопросе создания Белорусского государства, ссылался на позицию Антанты, которая, по его словам, выступает против создания новых государств на российских окраинах [1, с. 349–350]. Но главная причина отказа от концепции федерации заключалась в том, что она не встретила значительной поддержки ни в Литве, ни в Беларуси. Весной 1920 г. белорусский вопрос потерял для Ю. Пилсудского свою значимость на фоне его стремления создать союзное Польше Украинское государство.

Летом 1920 г. в условиях неудач Войска Польского и успешного наступления Красной армии на короткое время в польских политических кругах возродилась идея сотрудничества с белорусским национальным движением. В июне начальник государства и премьер-министр Польши Л. Скульский выступили с заявлениями в пользу создания независимой Беларуси [10, с. 330, 335]. Вице-премьер Дашиньский 1 августа 1920 г. в качестве условий, на которых Польша готова была пойти на перемирие с Советской Россией, назвал, в частности, «право на самоопределение для народностей, которые находятся между Польшей и Россией» [3, с. 116]. Но эти заявления представляли собой лишь временный тактический ход

в условиях военных неудач Польши и отражали стремление ее правящих кругов получить поддержку белорусского национального движения в сложившейся ситуации.

В условиях, когда Красная армия вела успешное наступление на запад, для большевиков снова актуализировалась задача распространения социалистической революции на страны Европы. Беларусь в силу своего географического положения превращалась в важный плацдарм и коридор для продвижения революции на запад. Именно через ее территорию летом 1920 г. двигались на Варшаву войска Западного фронта, которые кроме военной задачи разгрома Польши должны были решить и политическую задачу по распространению революции. В условиях продвижения Красной армии по территории Беларуси для большевистского руководства важной становилась задача обеспечить поддержку советским войскам со стороны местного населения, а также мобилизовать максимум людских и материальных ресурсов, необходимых для дальнейшей экспансии в Европу. При этом лидеры Советской России осознавали, что среди части белорусского населения получила распространение идея создания собственного национального государства. Выше уже говорилось об обсуждении белорусского вопроса на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 4 мая 1920 г., в ходе которого был отмечен рост стремления к независимости среди «мелкобуржуазных элементов» Беларуси [20, с. 22]. Напрашивался логический вывод: для завоевания популярности среди белорусов следует пойти им навстречу в деле национального развития и государственного строительства. По сути, именно об этом писал Г. Чичерин в Политбюро ЦК РКП(б) 24 мая, когда предлагал открыть сеть белорусских школ и восстановить при наркомнаце белорусский комиссариат [2, с. 58]. Фактически на повестку дня возвращался вопрос о белорусской государственности на советской основе. Москва начала предпринимать практические шаги в этом направлении. Еще 25 мая Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании Белорусского ревкома, который должен был возглавить А. Червяков [18]. Характерно, что на этом же заседании было решено начать переговоры с правительством В. Ластовского. Представляется, что его существование также было фактором, подталкивавшим большевиков к повторному провозглашению Советской Беларуси. Пока на фронте успех сопутствовал полякам, большевики искали поддержки белорусов, предпринимая шаги в разных направлениях. Когда же Красная армия перешла в наступление, от идеи сотрудничества с БНР отказались, да и процесс воссоздания ССРБ притормозился. Вместо Белорусского

ревкома 7 июля начал действовать Минский ревком во главе с тем же А. Червяковым.

Однако ситуация очень быстро менялась, и буквально в ближайшие дни процесс нового провозглашения ССРБ ускорился. Это было связано с тем, что в середине июля большевики окончательно утвердили курс на экспорт революции в Европу с помощью штыков Красной армии. Проходивший тогда же Пленум ЦК РКП(б) принял решение отклонить мирное посредничество Антанты и продолжить наступление Красной армии на Варшаву. В связи с этим решением Беларусь и должна была выступить в роли плацдарма и коридора для распространения на запад социалистической революции. 14 июля И. Смилга, который в тот момент являлся не только членом реввоенсовета Западного фронта, но и руководителем партийной организации Литвы и Беларуси, направил записку В. Ленину. В ней предлагалось провозгласить Белорусскую республику пока де-юре [16, с. 141]. Эта позиция совпадала с настроениями большевистского руководства в целом. Тот же июльский Пленум ЦК РКП(б), определивший курс на экспорт социалистической революции, принял решение о создании Белорусского ревкома. Причем в решениях Пленума очень четко определена цель этого шага: «...подчинив на ближайший период времени вопросы организации правительственной власти в границах Беларуси военным потребностям на фронте» [9, с. 305]. Кроме того, восстановление Советской Беларуси имело для большевиков важное политическое значение. Красная армия в глазах польского и других народов, на земли которых она могла вступить, должна была стать освободителем угнетенных наций, как это произошло с белорусами, получившими свою государственность, а не носителем российского империализма в новых условиях. В случае советизации Польши Советская Россия могла отклонить обвинения в ее поглощении, так как между этими двумя государствами находилась еще и формально независимая Советская Беларусь. Провозглашение ССРБ было связано и с отказом правительства В. Ленина от сохранения ЛитБел ССР, свидетельством чего стало подписание договора от 12 июля 1920 г. между Советской Россией и буржуазной Литвой.

Стремление большевиков завоевать популярность среди народов Европы для распространения социалистической революции должно было повлиять на определение границ повторно провозглашенной ССРБ. Территориальный вопрос советское правительство теперь увязывало с подталкиванием революции в Польше. 15 июля В. Ленин в одном из своих писем предлагал заявить «чрезвычайно торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта» [9, с. 303]. В тезисах Пленума ЦК

РКП(б) от 16 июля 1920 г. говорилось: «РСФСР пойдет в отношении мира тем шире навстречу всем интересам и потребностям Польши, чем быстрее и более решительно трудящиеся массы Польши установят у себя такой порядок, который освободит их от роли инструмента французских, английских и др. капиталистов и создаст основы для действительно братских отношений между Раб.-Крест. Польшей, Россией и Украиной» [16, с. 142]. Таким образом, территориальные уступки за счет Беларуси должны были сделать польское общество более лояльным по отношению к Красной армии и тем социалистическим преобразованиям, которые она несла на польские земли.

Готовность руководства Советской России в условиях продвижения Красной Армии к Варшаве снова провозгласить ССРБ вовсе не означала согласия предоставить Беларуси реальный государственный суверенитет. Как раз в 1920 г. нарком по делам национальностей И. Сталин, разъясняя позицию большевиков относительно отделения от России ее окраин, писал: «Мы против отделения окраин от России, потому что отделение означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционного могущества России, укрепление позиций империализма. ... Именно поэтому коммунисты, борясь за отделение колоний Антанты, не могут вместе с тем не бороться против отделения окраин от России. Очевидно, вопрос об отделении решается в зависимости от конкретных международных условий, в зависимости от интересов революции» [8, с. 104]. Положение, согласно которому вопрос о целесообразности реализации тем или иным народом права на самоопределение ставился в зависимость от интересов революции, на тот момент присутствовало и в программных документах большевистской партии и советского государства. Примером может служить «Декларация прав народов России», обнародованная правительством В. Ленина 2 (15 ноября) 1917 г. Она объявляла право всех народов России на самоопределение. Однако советское российское правительство, как следует из текста «Декларации...», вовсе не собиралось допустить распада бывшей Российской империи на национальные государства. В данном документе подчеркивалось, что право на самоопределение рассматривается как инструмент завоевания доверия рабочих разных национальностей для достижения их единства в рамках Российского государства [5, с. 40]. В резолюции по национальному вопросу III Всероссийского съезда советов отмечалось, что национальная политика советского правительства будет содействовать превращению бывшей Российской империи в «братский

союз свободно объединившихся Советских Республик России» [6, с. 94]. Выше уже упоминались решение июльского 1920 г. Пленума ЦК РКП(б) и высказывание В. Ленина относительно будущей польско-советской границы, из которых видно, что большевики при решении этого вопроса абсолютно не принимали в расчет суверенитет Белорусского государства и собирались провести границу, исходя из интересов мировой революции. Сама эта революция сделала бы вопрос о границах неактуальным в принципе, как и вопрос о суверенитете национальных государств.

Вопрос о границах и суверенитете вновь провозглашаемой ССРБ стал предметом окончательного раздора между большевиками и белорусскими эсерами, той силой в белорусском национальном движении, которая пыталась сотрудничать с советским российским правительством. Для подготовки повторного провозглашения ССРБ была создана комиссия, в состав которой вошли и белорусские эсеры. В вопросе о границах ССРБ представители белорусских эсеров настаивали на том, чтобы в акте о провозглашении ССРБ был четко обозначен принцип этнического самоопределения Беларуси. Это означало возвращение в состав Советской Беларуси территорий, которые были переданы РСФСР в начале 1919 г. По этому вопросу эсеры принципиально разошлись с представителями коммунистов. В. Кнорин заявил, что Смоленская, Могилевская и Витебская губернии не могут отойти к Беларуси, так как там живут русские люди и нет белорусов. После этого эсеры отказались подписать декларацию о провозглашении ССРБ и войти в состав военревкома Белорусской республики [4, с. 423].

31 июля 1920 г. состоялось повторное провозглашение ССРБ. В декларации Белорусского ВРК провозглашался равноправный характер отношений между ССРБ и РСФСР, но при этом отмечалось, что Советская Беларусь будет согласовывать дипломатические выступления с Советской Россией, а также передаст в ее распоряжение свои вооруженные силы [20, с. 23]. Как видим, при повторном провозглашении ССРБ изначально предполагалось ограничение ее суверенитета, и Москва оставляла за собой право распоряжаться белорусскими территориями.

Данные установки со всей очевидностью проявились в ходе мирных переговоров между Советской Россией и Польшей в Минске и Риге. Как известно, ССРБ не была представлена на этих переговорах. 10 сентября ВРК ССРБ выдал мандат на ведение переговоров с Польшей правительству РСФСР. При этом советская сторона для достижения

соглашения изначально готова была идти на большие территориальные уступки Польше за счет Беларуси, особенно с учетом провала похода Красной армии на Варшаву. Еще на начальном этапе переговоров прибывший в Минск К. Радек заявил, что с границей проблем не будет при условии признания Польшей Советской Украины [22, с. 51]. Курс на достижение соглашения с Польшей на основе территориальных уступок был окончательно закреплен в заявлении ВЦИК от 23 сентября 1920 г. В нем говорилось о готовности советской стороны идти на значительные территориальные уступки при условии подписания мира в ближайшее время [7, с. 400–401]. Несколько позже в выступлении на сессии ВЦИК по вопросу ратификации прелиминарного договора с Польшей Г. Чичерин дал следующую характеристику советской позиции на переговорах: «Мы предложили Польше территориальные приращения за отказ Польши от политики буферизма» [2, с. 213–214].

Данная позиция Советской России нашла понимание с польской стороны. После провала Киевского похода, результатом чего стало появление Красной армии под стенами Варшавы, позиции сторонников федералистской концепции были серьезно ослаблены. 11 сентября на заседании Совета обороны государства глава польской делегации Я. Домбский заявил, что на минском этапе переговоров поляки соглашались на существование советской формы государственности на Украине и не ставили вопрос о независимости Беларуси. В решениях, принятых Советом обороны государства, будущая граница рассматривалась как западная граница России и выражалась готовность признать УССР в обмен на согласие Москвы на территориальные требования Польши [7, с. 387–388]. Это означало отказ от политики федерализма и, соответственно, поддержки создания Белорусского государства. Охарактеризованные выше подходы Советской России и Польши нашли отражение в подписанном 12 октября прелиминарном мирном договоре.

Таким образом, начало новой фазы военных действий на польско-советском фронте весной 1920 г. активизировало политику Польши и Советской России на белорусском направлении. Оба названных государства искали поддержки своих военных усилий со стороны белорусского национального движения. Для этого Москва установила контакты с антипольски настроенным правительством В. Ластовского, а Варшава пошла на подписание соглашения с пропольской Наивысшей Белорусской Радой. Однако со стороны как польского, так и советского правительства речь не шла о поддержке стремления белорусских национальных сил к образованию собственного суверенного

государства. В условиях успешного наступления Красной армии на Варшаву большевики потеряли интерес к сотрудничеству с белорусским национальным движением, но учитывали в своей политике рост среди белорусов настроений в пользу создания своего государства. Стремлением завоевать симпатии этой части населения и превратить Беларусь в надежный плацдарм для распространения на запад социалистической революции было продиктовано повторное провозглашение ССРБ. Фактически поход Красной армии на Варшаву и ожидание большевиками в этой связи мировой революции способствовали восстановлению белорусской государственности в советской форме. Но это государственное образование имело ограниченный суверенитет, а его территория была далека от этнических границ Беларуси. Данное положение было закреплено в ходе советско-польских мирных переговоров и в прелиминарном договоре. Крах попыток реализовать федералистскую концепцию, результатом чего стало вторжение Красной армии в этническую Польшу, способствовал тому, что в Риге Польша вела переговоры на основе идей инкорпорации, что означало отказ от поддержки создания белорусского государства.

Литература

1. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Мінск: Юніпак, 2008. Т. 1, ч. 1. 540 с.
2. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Мінск: Юніпак, 2008. Т. 1, ч. 2. 394 с.
3. Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922). Вільня: Выд-ва Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта, 2008. 256 с.
4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. Мінск: Беларуская навука, 2011. Кн. 1. 584 с.
5. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 1. 625 с.
6. Документы внешней политики СССР. В 24 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 1. 772 с.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. В 14 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. 609 с.
8. Короткова Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.
9. Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 510 с.
10. Лазько Р. Беларуская-савецкія перагаворы 1920 г. // *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń: Wydawnictwo naukowe UNK, 2007. S 325–337.
11. Лебедзева В. Пакліканая свабодай: нарыс жыцця і дзейнасці Палуты Бадуновой. Гомель: На правах рукапісу, 2018. 80 с.
12. Матвеев Г.Ф. Юзеф Пилсудский и польская государственность // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск: БГУ, 2010. С. 131–158.

13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 98.
14. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 99.
15. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 110.
16. Польско-советская война 1919–1920 гг. (Ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. М.: ИСИБ, 1994. Ч. 1. 202 с.
17. Протокол заседания политического бюро ЦК РКП(б) от 8 марта 1920 г. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57175;tab=img> (дата обращения: 01.03.2018).
18. Протокол заседания политического бюро ЦК РКП(б) 25 мая 1920 г. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57469;tab=img> (дата обращения: 10.04.2019).
19. Рижский мир в судьбах белорусского народа. 1921–1953. В 2 кн. Минск: Белорусская наука, 2014. Кн. 1. 593 с.
20. Снапкоўскі У.Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. Мінск, 2017. 287 с.
21. Wasilewski L. Józef Piłsudski. Jakim Go znałem. Warszawa: Wyd. «Rój», 1935. 235 s.
22. Wojdyło W. Traktat w Rydze w koncepcjach obozu narodowego ze szczególnym uwzględnieniem roli Stanisława Grabskiego // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo naukowe UNK, 1998. S. 47–61.

M.M. Miazga

Francisk Skorina Gomel State University

The Red Army campaign to Warsaw in the summer of 1920 and Belarus

Key words: Polish-Soviet war; Soviet Russia; Poland; BNR; second proclamation of SSRB; world revolution; Red Army campaign to Warsaw; Polish-Belarusian negotiations.

The article shows that the resumption of active hostilities on the Soviet-Polish front in the spring of 1920 led to the activation of the policy of both Soviet Russia and Poland in the Belarusian direction. After the transition of the Polish army to the offensive in Ukraine, the Soviet leadership was busy looking for anti-Polish allies and in this regard went to contacts with V. Lastovsky government of the BNR. The article proves that in the conditions of the successful offensive of the Red Army in the summer of 1920, Moscow's interest in cooperation with the BNR disappeared. In addition, this cooperation could not be combined with the conclusion of the peace Treaty of the RSFSR with Lithuania, as it provided for the transfer to the letter of Belarusian territories. The article substantiates the position that as the Red Army moved to Warsaw, the Belarusian policy of the Bolshevik leadership was determined primarily by the desire to turn the territory of Belarus into a springboard for the spread of the socialist revolution to the West. In order to get wider support of the part of the population of Belarus, which has already strengthened its desire to create its own state, the Bolsheviks went to the second proclamation of the SSRB. However, due to the defeat of the red Army near Warsaw, Soviet Belarus could not remain within the borders that were determined at the time of its Declaration. During the negotiations in Riga, the Soviet delegation made territorial concessions at the expense of Belarus. In characterizing the policy of Poland towards Belarus in the article the conclusion about the absence of the intention of providing real assistance in the Belarusian

state creation in Polish ruling circles. In the spring of 1920, the Polish government made some steps towards cooperation with the Belarusian national movement. However, the poles did not agree to more than the creation of the Belarusian national and cultural autonomy. During the negotiations in Riga, they finally moved to the position of incorporation, which led to the division of the Belarusian lands under the Riga Treaty.